Специальный номер О ПЕЧАТИ

5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 18 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ МОСКВА, Тверская, 8 ● Телефон редакции 3-43-56 1927 ГОД

Рис. М. Черемных

ЭТО—ПРАВДА!

— Скажите, товарищ Бухарин, что это за толпа?

— Это небольшая часть сотрудников одного из отделов „Правды"!

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТА

В СУЩНОСТИ, он был совсем не плохой человек. Совсем простой парень. Только внешность очень эффектная. Бледное, бледное лицо, интересная костлявая худоба и пышные рассыпчатые волосы до плеч. Настоящий литератор.

Он, откровенно говоря, не часто ходил в баню. Еще реже менял белье. Носки носил по паре на сезон. Но зато у него была высокая трость с белым набалдашником в виде змеи-кобры, и девушки на уездном бульваре избегали знакомиться с ним, опасаясь осрамиться в разговоре.

Повторяю, его не считали чужим в газете. Были времена, когда редакция им даже гордилась. Он здорово придумывал лозунги ко всяким большим дням — в редакции в растерянном восхищении почесывались за ухом:

— Ух ты, ч-ч-чорт!!

Например:

„Ни архангелю, ни Врангелю не уступим власть советов“.

Или:

„Долой Антантов, капитулянтов, спекулянтов и прочих мелко-буржуазных соглашательских желтых двухсполовинно-интернациональных франтов!“

Горячий фельетон по поводу Генуэзской конференции кончался историческими словами, которые запомнил весь городок:

„Сколько вас там Ллойд-Джорджей ученых, двадцать на фунт сушеных! От пролетарского чиха все вы полетите к чорту лихо!“

Когда мы перешли с военных фронтов на хозяйственные, он сразу загрустил. Но на первых порах держался бодро и соорудил для газеты головокружительный аншлаг на все шесть столбцов:

„Путь один у паровоза и рабочего — вперед!“

С каждым месяцем ему становилось все хуже и хуже. Он долго сидел на бульваре, торжественный и бледный, чертя тростью по песку, не замечая робких взглядов девушек. Перхоть тихим инеем садилась на воротник с пышных литераторских волос. Потом он мерил крупными шагами дорогу до редакции и готовил в газету хмурые строки:

„Основным моментом в установке нашего внимания по линии вопросов социалистического строительства должно быть стремление лить воду на мельницу режима экономии“.

Выходило вяло. Нет! Он рвал лист и писал:

„Основной линией в вопросе установки моментов нашего внимания в стремлении к режиму экономии должно быть стремление лить воду на мельницу социалистического строительства“... Нет!

„Стремление к установке на режим экономии, став основным моментом вопроса, будет лить воду на мельницу...“

„Вопрос момента — в стремлениях лить воду по линии...“

Приходили рабкоры. Они почтительно косились на длинные волосы, мертвенность лица и груду изорванных черновиков на полу. Спрашивали, куда сдать заметку насчет бака с кипяченой водой. Он был с ними вежлив, но в душе считал доносчиками и не одобрял.

Он подбодрился во время кампании по борьбе с хулиганством. Опять, как в былое время, он гремел звонким заголовком:

„Железной метлой — и Пилсудского-пана, и некультурного, деклассированного, срывающего нашу созидательную работу, хулигана!“

Но кампания против хулиганов кончилась очень скоро, а через целых два месяца после конца кампании литератору ночью на бульваре стукнули пивной бутылкой в затылок, отобрали двадцать шесть рублей денег и черную палку со змеей-коброй.

В больнице ему начисто побрили голову. Он вышел на работу без длинных волос и трости, да еще сильно пополневший. Интересная худоба куда-то ушла.

Стало трудно писать лозунги. „Вопросы“ и „моменты“ стали совсем плохо вязаться с „линиями“ и „установками“.

Но зато он стал добиваться через газету ремонта уездных бань. И добился.

Он через газету потребовал открытия и пуска закрытой лесопилки. И лесопилку пустили.

Он отстоял через газету двух ночных сторожей от увольнения на нефтяных складах. И сторожа остались.

В редакции его дожидались старухи с просьбами, крестьяне с жалобами. Часто его называли по ошибке „товарищ-рабкор“, и это ему льстило.

Он решил не запускать больше длинных волос. На бульваре, у девушек, он без волос имел большой успех... Несомненно, тогда ночью у него что-то вышибли из головы. Он не замечал ничего, но чувствовал себя отлично.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

ПРЕЖДЕ И... ...ТЕПЕРЬ

(История одного „непримиримого“ эмигранта)

Рис. А. Радакова

Почти десять лет тому назад, находясь в Москве, он разносил советскую печать.

Сейчас, находясь в эмиграции, на улицах Парижа, он разносит буржуазную печать...

„ФОТОГРАФ“

Рассказ **Всеволода Иванова**

В ГОРОДКЕ П., грязной осенней ночью, бандиты убили ответственного работника Вуранцева. Этот ответственный работник никакими особенными доблестями не отличался, пил даже он мало да и пил всегда почему-то в ясную погоду, весной. Умер он тоже скромно, соседи и то не слышали его криков, когда на него напали бандиты,—а он защищался; потому что через улицу нашли лужу бандитской крови и посреди лужи котиковую шапку.

Городок дышал сытой осенней ясностью, солнце плавно шло как бы по твердому, немного усталому, небу—не стоило умирать Вуранцеву, не одну бутылку опустошил бы он пред таким веселым небом! И вдуруг городок возгордел. Сразу же у скромного Вуранцева обнаружилось несколько жен, жены эти оспаривали честь стоять у гроба,—а теперешние мужья их не сопротивлялись этому и словно бы гордились близостью своей жены к такому герою. Домовые комитеты вытащили флаги; пожарная команда чистила каски свои и трубы своего оркестра. И тогда же секретарь одного столичного журнала, товарищ Шазарев, хмурый и как бы приплюснутый человек, сказал фотографу Николаю Николаевичу: „Снимите. Вот.“ — и он сунул Николаю Николаевичу адрес убитого Вуранцева, железнодорожный билет—и последний нумер журнала с работами Николая Николаевича, где один из вождей сидел в пол-оборота к зрителям и лицо у него было скучающее и как бы вылинявшее. Николай Николаевич понял намек желчного секретаря и обиделся: пора ж понять, что прошли те счастливые времена, когда вожди любили сниматься, и что теперь чаще всего ловишь их спину, а не лицо, а если и лицо удастся поймать, то встретишь на нем иногда такое непонятное выражение, что и самому не понять: обижаться такому выражению или радоваться. Так, сердясь, Николай Николаевич и пришел домой. Здесь, как и всегда, гудел примус, жена была подвязана фартучком, испачканным желтками и мукой, а на дворе такая трогательная осень и люди (как думал фотограф), ходят все добрые, и он сказал со слезой в голосе:—„Ну, поеду я, Клавочка, отдохну денька два“. Клавочка сморщила неумело подкрашенные свои веки, и это, чем-то, показалось обидным Николаю Николаевичу,—он переложил билет из правого в левый карман,—и полез под кровать за чемоданом.

Городок П. был украшен Кремлем и Волгой; одна из улиц городка имела бульвар. Скамейки бульвара, как и везде в России, были изрезаны скучными словами и фразами, которые почему-то считаются неприличными, хотя они так же распространены и так же часто употребляются в народе, как и сапоги или как варежки, и видимо столь же необходимы ему.

Фотограф посидел на скамеечке, попробовал перочинным своим ножичком соскоблить некую фразу, оскорблявшую его стыдливость, но фраза была столь глубоко всажена и дерево столь мощно держало ее, что Николай Николаевич при всем усердии своем даже буквы не мог повредить сколько-нибудь заметно. Он втайне огорчился своей прогулкой и направился отыскивать квартиру Вуранцева.

Гроб стоял громадный, толстый, на письменном столе, покрытом дрянной персидской шалью из тех, которыми и по сие время мы усердно снабжаем страну Саади,—жены робко посмотрели фотографу в лицо, а Николай Николаевич сказал хмуро, что снимать здесь он не может: во-первых, тесно; во-вторых, белено известкой,—покойник выйдет в ореоле. Лучше снять завтра, на улице или, хоть бы в клуб его, какой-нибудь, перенесли. И он опять ушел, ходил по бульвару, у ворот Кремля,—древних и вросшихся в землю, у ворот на солнышке беспризорные играли в „очко“. Надо было б снять и беспризорных, и корявые лапы их на желтых и бурых грудах опавших листьев, и ржавые ворота Кремля, обсиженные голубями настолько, что ворота сверху казались покрашенными белилами. Но во всем Николай Николаевич увидал такую уверенную в себе красоту, что он растерялся, не посмел снять, а только сам себе сказал с гордостью: вот заработка лишается, но природой хочет любоваться бескорыстно!

Так гордый бродил он подле Кремля и по бульвару до вечера, пообедал зачем-то в вегетарианской столовой. Обеды были на редкость плохие, да и вообще было непонятно, зачем городку П. иметь вегетарианскую столовую. Потом он опять пошел на квартиру к Вуранцеву. Там у дверей стояла одна из жен Вуранцева, с усиками и в потертом кожаном пальто. Она радостно сообщила Николаю Николаевичу, что предложение его принято и тело героя перенесено в клуб имени... и она, произнеся не без игривости обширный и грозный титул, взяла Николая Николаевича под руку и стараясь (из траура, надо полагать) не вилять юбкой, тем местом, где она наиболее плотно прилегает к телу,—повела его в клуб. По дороге она сообщила, что остальные жены сопротивлялись ее настойчивости в проведении предложения Николая Николаевича и все для того, чтобы доказать, что ответственный любил ее меньше, чем остальных своих жен, а фотограф в клуб не зашел и провожавшая слегка обиделась на него.

Всю ночь фотографа жрали клопы; Кремль кивал ему пышными главами, упрекая его,—не осмелился об'ективно запечатлеть такую исчезающую красоту,—проснулся фотограф с тяжестью в желудке, и тяжесть эта вскоре перешла в слабость всего тела, и фотографу стало скучно, он надел носки „мехом наружу“, как он сказал самому себе ехидно.

Вынос был назначен в девять, фотограф пришел в половине девятого. Зала была заперта на огромный замок (сторожа, боясь трупа, ушли спать по знакомым), дверь ему открыла заплаканная кухарка Вуранцева: „Нет никого“ сказала она басом, и фотограф тихо спросил ее: чего ж она плачет, и кухарка ответила ему еще суровей: „Вот и плачу, что никто не плачет“. Фотограф присел на крылечко, кухарка села рядом и длинно, часто повторяя одни и те же фразы, начала ему рассказывать о жизни Вуранцева.

Фотографу хотелось спать; солнце слепило ему глаза; голос кухарки становился все тоньше и тоньше,—но здесь появилась жена ответственного, та, которая была в кожаном пальто. Она испуганно сказала Николаю Николаевичу, что все-то в городе думали: фотограф опоздает, проспит; город-то славен клопами; непривычному человеку спать трудно,—все здесь просыпают.

И точно,—народ начал сбираться к десяти. Появилась худая с огромными щеками вторая жена Вуранцева; за ней третья, низенькая, как бы пронзительная,—с таким носом, что, глядя на такой нос, становились понятными многие обиды на этом свете. Все жали руку Николаю Николаевичу, вели его к гробу, становились у гроба в позу и просили снимать. Лицо у покойника было ясное; веки так легко сжаты, словно ему приходилось помирать от бандитов каждый день. И Николай Николаевич тяжесть своего желудка почувствовал очень унизительно, к тому же лицо Вуранцева было все время не в фокусе, да и жены заслоняли его. А затем нахлынули друзья... Всю ночь в городке говорили, что приехал из столицы знаменитый фотограф, снимает для газет и журналов. Демонстратор из будки кинематографа сообщал на ухо, что особый у фотографа аппарат и возможно, что не фотограф это, а готовящийся в кино (демонстратор загадочно проводил кулаком внизу подбородка) спец. Уездная красавица, любовница начальника милиции, обладавшая таким совершенством форм, что вот уже два года, каждый раз увидав эти формы, начальник милиции хватался за голову и дико восклицал: „Ну и чудо же вавилонское, господи ты боже мой“,—Мария Захаровна пришла к гробу одною из первых. Фотограф, как и всем, и ей показался общительным. Три раза стремительно поводила она плечами, теми плечами, что загубили душу начальника милиции, и три раза щелкал Николай Николаевич.

Становилось тесно; лица были напряженные; все смотрели на Николая Николаевича, пока он тихо не спросил кого-то: „Чего же ждут и скоро ли выносить“, и тогда тотчас же гроб подхватили, грянул оркестр и одстая в кожаное пальто спросила Николая Николаевича: „Каким путем нести“, на что тот ответил: ему, дескать, все равно—ибо снимать трудно, небо в тучах (и точно уже накрапывал дождь). Тогда гроб остановился. Друзья долго совещались. Но затем было решено, что пока несут, солнце может выйти, и все снимутся на фоне Волги или Кремля,—и хоть путь этот был в десять раз длиннее, все ж гроб понесли сначала по бульвару, здесь долго стояли в тени лип, ждали солнца, смотрели на фотографа, обсуждали: что неужели не изобретена такая система, чтобы при тучах снимать. Николай Николаевич об'яснял устройство своего аппарата. Так солнца хотя и не дождались, но снять снялись. Стояли и у Кремля, и у берега Волги. Дым парохода показался,—ждали парохода, чтоб по пути захватить на пленку и пароход. Снимались и у кремлевских ворот. Мужчины стояли, лихо сдвинув фуражки на бок, а женщины пленительно улыбались. И Николай Николаевич улыбался и вставлял кассеты.

А дождь все увеличивался и увеличивался; заплетенные волосы свисали грязными сосульками на щеки; кресты на кладбище стояли тусклые и неопрятные; церковь кладбищенская была с проваленным куполом. Ноги скользили по глине; гроб опускать было неудобно, к тому же друзья и жены ползли на об'ектив, и Николай Николаевич никак не мог поймать лица покойника и щелкнул прямо на ура. Речь за суматохой забыли сказать. Сторожа, по ошибке, притащили к могиле крест и с испугу кинули его. Крест так и валялся неподалеку, дождь крупными каплями сбирался на масляной краске его и капли были грязные, вонючие. Нет, нехорошо под такую погоду ложиться в землю!

Николаю Николаевичу благодарно трясли руки, и каждый спрашивал, где он остановился и много ли нужно ему времени, чтобы приготовить карточку, и в каком журнале они будут напечатаны. Кожаное пальто пленительно и тревожно сжало ему пальцы... Скорый отходил вечером, а Николай Николаевич уехал с почтовым. Почтовый пришел в столицу с опозданием на семь часов и даже это опоздание обрадовало Николая Николаевича. Со злостью и грохотом прошел он в свою лабораторию, поспешно проявил, напечатал,—и сразу же на душе стало тише, и даже слабость, мучавшая его, прошла.

Секретарь Шазарев, не отрываясь от стола, сунул к тусклому и хмурому своему носу карточки и неразборчиво пробормотал: „У вас за последнее время скептицизм появился. Тут, во-первых, покойника нету, а, во-вторых, вы что же мне рож тут каких насбирали! На кинооператора готовитесь!“

Шазарев кино считал низким удовольствием, потому-то он и промолвил с наслаждением: „Не пойдет“ и вернул Николаю Николаевичу все его отпечатки.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

НЕКОРРЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ

— Я, хотя и адмирал, но больше всего на свете люблю корректуру.

— Что же вы корректируете?

— Стрельбу по китайцам.

С ЛЕВОЙ НОГИ

Рис. Б. Антоновского

АНГЛИЙСКИЙ ГОРОДНИЧИЙ—ЧЕМБЕРЛЕН:—Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятнейшие „Известия“...

РАССКАЗ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО О ПИСАТЕЛЕ-ЭМИГРАНТЕ

(Из посмертных рукописей)

У РУССКОГО писателя была квартирка на улице Гренелль и служба на улице Марбеф.

Пришел он однажды домой, сел за письменный стол, подумал и, тряхнув головой, решил написать рассказ о своей родине.

— Что ты хочешь делать?—спросила жена.

— Хочу рассказ писать.

— О чем?

— О России.

— Кальмэ ву, же ву при. Что же ты можешь писать о России?

— Мало ли что. Начну так: „Шел унылый, скучный дождь, который только и может итти в Петербурге. Высокий молодой человек шагал по пустынной в это время дня Дерибасовской“...

— Постой, разве такая улица есть в Петербурге?

— А чорт его знает. Знакомое словцо. Впрочем, поставлю для верности—Невскую улицу. Итак: „Высокий молодой человек шагал по Невской улице, свернул на Конюшенную и вошел, потирая руки, к „Медведю“.— Что, холодно вам?—спросил метр-д-отель, подавая карточку.—О да,—возразил молодой сей господин.—Я есть большой замерзавец на свой хрупкий организм“.

— Послушай,—робко возразила жена,—разве есть такое слово „замерзавец“?

— Ну да. Человек, который быстро замерзает, суть „замерзавец“. Пишу дальше:— „Очень вас прошу,—сказал этот молодой господин,—подайте мне один застегай с немножечком пуассон фрэ и одну рюмку рабиновку“.

— Кто такое рабиновка?

— Это такое... дю водка.

— А по-моему, это фамилия: Рабиновка—жена Рабиновича.

— Ты так думаешь?.. Гм... Как трудно писать по-русски.

И принялся грызть перо. Грыз до утра.

Пронесся еще год над писателем и его женой.

Однажды писатель возвращался вечером из ресторана, где оркестр ни с того, ни с сего сыграл „боже царя храни“.

Знакомая мелодия навеяла целый ряд мыслей о России.

— О, нотр повр Рюсси,—печально думал он.—Когда я приходить домой, я что-нибудь будить писать о наша славненькая матучка Руссии.

Пришел. Сел. Написал:

„Была большая дождика. Погода был то, это называй веритабль петербужьен. Один молодой господин ходил по одна улица по имени сей улица Крещиатик. Ему очень хотелось манжэ. Он заходишь на Конюшню, сесть на Медведя и поехать в ресторан, где скажишь:—Гарсон, рабинович и одна застегайчик с ухами“.

▼

Я кончил.

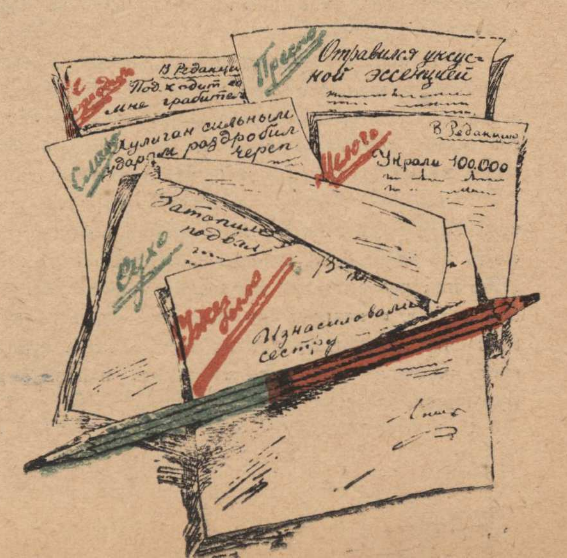
Мой собеседник сидел, совсем раздавленный этой тяжелой историей.

Оборванный господин в красной феске подошел к нам и хрипло сказал:

— А что, ребятежь, нет ли у кого прикурить цыгарки?

АРК. АВЕРЧЕНКО

ПОД КАРАНДАШОМ РЕДАКТОРА

ЧЕСТНОСТЬ С СОБОЙ

— Что ни говорите, а в день печати необходимо указать, что самая честная категория рабочих и служащих—это наборщики.

— Почему собственно?

— Сколько бы они ни набрали, — все возвращают в кассу.

КО ДНЮ ПЕЧАТИ СРЕДИ КРИТИКОВ

— Читал вчера ваш большой критический отзыв о „Красных всходах“. Стоит прочесть эту книжку?

— Не знаю, дорогой. Признаться, я и сам ее не читал.

Рис. М. Ч.

— Люблю, грешным делом, почитать!..

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Т. ПЕТИТА

Мой друг Игнат Егорович Петит пришел ко мне в тот жестокий час, когда я охотился свирепый, как майнридовский индеец в прериях, за дразнящей и все ускользающей от меня темой.

— Брось ерепениться, — посоветовал Петит. — Тебе нужна тема о печати? Почему не заняться воспоминаниями? Воспоминания, ежели они правильны, кратки и редки, совсем не вредны. Хочешь, я расскажу тебе, как я редактировал в двадцатом году газету в Чертоплохове?

Я согласился. Игнат приступил к воспоминаниям.

▼

Редакция „Красного Звона" занимала небольшое помещение: стол в правому углу отдела записей актов гражданского состояния. Весь штат редакции состоял из меня, репортера и телефона. Репортер то-и-дело отлучался к соседнему столу и приносил, запыхавшись, свежую информацию о количестве рожденных и умерших за последние сутки. В других учреждениях информацию не давали.

Репортер иногда вздыхал:

— Вчера в Зипуновке умер член волисполкома. Редеют ряды. Ведь за истекшие сутки не отмечен родившимся ни один член волисполкома. Что-то будет?..

Больше всех нас в редакции работал телефон.

— Алло! Тов. Петит? Говорит ответственный секретарь коммунхоза. Сейчас посылаю тебе на 27 листах обязательное постановление о порядке содержания в чистоте ретирадных мест. Обязательно поместить на первой странице. Да не мелкими буковками, а толстым цицероном.

— Товарищ! Что вы? Это же погубит номер! Надо назавтра дать материал о продналоге...

— Это важнее. Продналог не все платят, многие даже увиливают. А ретирады относятся ко всему населению и все ими интересуются. Обязательно цицероном!..

— Алло! У телефона редактор? Слушайте, что за безобразие? Говорит заведующий административным отделом. Это вы почему сократили мою речь на собрании дворников? Я говорил часа два, а у вас всего строк тридцать... Вы нам срываете кампанию! Сейчас же пришлю полностью свою речь. Прошу дать ее завтра и обязательно на первой странице. Что? Буду жаловаться...

— Алло! Говорит продкомиссар. Снимите сейчас все с первой и второй страницы. Сейчас сяду писать передовую о недоимках...

В редакцию вбегает курьер из земотдела, бросает на стол пакет — и след простыл. Читаю:

— „Уважаемый редактор! В вашей уважаемой газете № . . . от . . . . помещена насчет земотдела безобразная заметка под заглавием . . . . Считаю нужным протестовать против помещения подобных глупых и не обоснованных заметок. Вы срываете кампанию!.."

— В чем дело? — срашиваю я удивленно репортера. — Какая заметка? Когда напечатана?

— Это из земотдела? У них, видите ли, приготовлены на целый год трафаретки для опровержений. Повидимому, они забыли проставить, о какой заметке идет речь и в каком номере. А поместить все-таки надо, а то скандал...

Лениво плетутся часы. Как немазанная телега, тянется и скрипит день. Жужжат мухи на окне.

Только к концу дня оживляешься, когда репортер, сбегав за папиросами, принесет сенсацию:

— „Сегодня утром на углу улицы имени Августа Бебеля пожарный грузовик наехал на члена союза пищевиков Ватрушкина. Член союза отделался легким испугом и с проломленным черепом в бесчувственном состоянии отправлен в больницу имени"...

— Э! — вдруг оживился Игнат Егорович Петит. — Теперь совсем другое. А попробовал бы ты тогда поработать. Тогда и о темах не думали: не до того было.

Г. РЫКЛИН

ОДИН ДЕНЬ

Записки газетного листа.

Январь 14. „Газета живет один день"? Какая чепуха! Я выпущена в свет 10 января. Еду на село. Я в кипе других газет. Душно. Скучно. Лежу на какой-то перекрестной станции. Третий день.

Январь 28. Кипа газет поредела. Исхудала. По дороге разобрали. Кто почитать, а кто на цыгарки. Курят меня и еще ругаются: „Бумага, говорят, плохая. Обидно! — На папиросной — говорят — в 20 году печатали: вот это была газета".

Февраль 13. Подвез случайный крестьянин, сбросил у Волисполкома.

Февраль 10. В Волисполкоме лежу недвижным трупом. Крысы обгрызли по краям. Ежели читать, получается так:

> ательно изу воп и намеч пу борь кучестью бочего ава, можем вобод на мышленность явл торм к рацио произ и удешев имости.

В роде как по-санскритски. Или по-машинному.

Март 9. Случайно пришел из деревни „Красные Овсы" человек. — Передай — говорят ему в Сельсовете — в вашу деревню газеты. Уже полтора месяца лежат. — Давай, — отвечает, — отвезу.

Март 18. Лежу под сеном в сиденьи повозки. Должно-быть, забыли обо мне.

Март. 21 Нашел. Передал. Подписчик сердится. В каком — говорит — виде газету печатают?

Март 24. Читали вслух. Многое стерлось. Особенно понравились телеграммы Тасс от 9 января.

Апреля 10. А вы говорите газета живет один день! Какая чепуха!

Д. МАЛ.

ГАЗЕТА С ОПИУМОМ

В „Правде“ отмечалось, что в иных церквах теперь заведены стенгазеты. Мы никогда не видали этих стенгазов. Но предполагаем, что они должны выглядеть так:

Рис. М. Черемных

Глас ячейки верующих и местного комитета прихожан храма имени Спаса на болванах

О некиих итогах рассуждения

Ныне подходит к концу первый квартал лета от Рождества Христова тысяча девятьсот двадцать седьмого.

Каковые итоги квартала сего предстают очам нашим? Многое ли совершено нами грешными по линии религиозной?

Мним мы, яко не втуне протек квартал сей. Ныне завершен охват православных масс прихода нашего. Можем сказать: в квартал отчетный служено было:

заутрень ранних	—91
„ поздних	—17
обеден	—90
вечерен	—87
молебнов	—32
панихид	—44
крестин	— 5
свадеб	— 9
итого разн. рода служб	—375

За тот же срок возрегистрировано прихожан 270 особ, из чего усматриваем мы, что на каждого прихожанина приходится по 1,3812.. службы. Жертвовано в тот же квартал:

на новую епитрахиль	— 24 р. 37 к.
на содержан. причта	—165 „ 12 „
на прочее	— 38 „ 10 „
итого	227 р. 59 к.

О чем речат сии цифры? Речат, яко крепнет истинная вера в сердцах истинноверующих, яко укрепляется церковь и яко не мешало бы увеличить всяческие доброхотные даяния на благо церкви.

о. Иегудиил

Братие храмкоры, не оставляйте пера своего втуне!

Послания с периферии

Еще одна кружка заработала

Во храме имени Вознесения установлена новая кружка для жертвований.

Паникадило

Электрифицируем

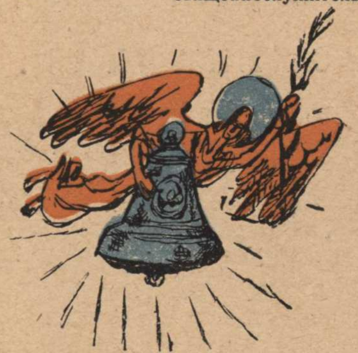
В часовне, что у Жучьих ворот, электрифицированы все лампады.

Зоркий диакон

Подымаем

Во храме имени Николы-на-курьих-ножках поднят на колокольню новый колокол.

Священнослужитель

Халатное отношение

Отец Паисий совершенно распоясался и сокращает на половину все службы. Даже певчих заставляет петь, елико возможно быстро. А все потому, что сам отец по совместительству служит в палатке гражданина Мишустина в качестве продавца.

Пора напомнить зарвавшемуся служителю культа, что религия есть не что иное, как опиум для народа.

Прихожанин

Охрана труда, где ты?

На правом клиросе до сей поры не установлен бак с кипяченой водой и певчим нечем даже горла промочить. Охрана труда, где ты?!

Бас

А ты еще не пожертвовал на украшение храма?

Подтянитеся, коего сие касается!

На обедне в прошлую середу украли шапку у молитвопреклоненного прихожанина Здрыкина.

Нарушающие шестую заповедь (Не укради!) подтянитеся!

Молящийся

Старуха:—А что, касатик, это—какому святому иконка будет?

Псаломщик:—А бог ее знает: иконы у нас теперича не убираются, риз не чистят, пыли не вытирают. Оно и не видать, кому—икона.

Многобожие—гибель,—спасение в трехбожии!

Не греши

Всем давно уже известно,
Что грешить не интересно
И за это всем нам в аду
Попадет по голове и по заду.
Так уж лучше не грешить,
А потом в раю пожить
Надо заповедь сполнять,
Не ругать, не воровать,
И молиться каждый день
Хочь тебе и лень.
Надо весть со всеми дружбу
И вообще каждый день ходить
обязательно в церковь на
всякую службу.

Аллилуия

Редактор—Редтроица.

Аминь.

В. АРДОВ

ДОХОДНОЕ МЕСТО

(Размышление у парадного под'езда)

Был дом...

Кто в Ленинграде не знает этого дома?! То-есть,—я хочу сказать,—какой автор, мечтающий об издании книжки, не знает, как свои пять пальцев, все шесть этажей этого великолепного здания, под вывеской —„Дом Книги“.

Вы входите в прекрасный стеклянный под'езд, вы снимаете калоши, ибо путешествовать по изумительным лестницам в калошах строго воспрещается. То-есть,—я хочу сказать,—если вы богатый автор, вы снимаете калоши. А в противном случае можно и так, на грязную ногу...

И дальше вам открыта широкая возможность блуждать по всем шести этажам вплоть до 4 часов дня, когда работа кончается.

Но вы можете с успехом притти поблуждать и завтра, и послезавтра, вообще можете ходить каждый день, пока не надоест слышать одно и то же:

— Ваша рукопись еще не прочитана.

Вы привыкаете к дому. В этом „Доме Книги“ вы начинаете чувствовать себя, как у себя дома.

Вы изучили каждый поворот, каждую дверь, сосчитали число ступеней. Вам все близко и мило.

И вдруг...

Заметка в хронике „Красной Газеты“ (веч. в.):

„В виду сокращения дел Ленотгиза, 6-й этаж „Дома Книги“ сдается в аренду“.

Постойте... Куда сдается? В а р е н д у?! Следовательно, этажом меньше? Следовательно, дойдя до шестого, поворачивай оглобли назад? Это значит, одна пятая часть положенных вам ступенек выбита у вас из-под ног?!

Держите меня—я падаю в обморок!..

И кто же, какое учреждение займет этот славный, самый высокий этаж?

Будет ли это Госпромцветмет, Азнефть или Джаз-банд?

И неужели скромным тихеньким теням авторов „еще не прочитанных рукописей“ придется потесниться на лестницах, чтобы дать дорогу сочным людям с портфелями и без?!

Ужасно... Обидно—досадно до слез, до мученья.

Страшные перспективы рисуются испуганному взору.

Вот уже и пятый этаж в аренде..

„Центро-мыло“.

Вот и четвертый, и третий, и второй...

„Монголо-швей“, „Кустлесторг“... и еще чорт знает что!

Вот уже и насчет первого—заманчивое об'явление на дверях:

„Роскошн. светл. помещение, годное под контору или для танцев“.

И уже нет его, „Дома Книги“...

И остался только чердак. Но чердак нельзя сдать: чердак не в порядке—он заполнен макулатурой...

▼

По моему глубокому убеждению, нужно всегда начинать с чердака.

Нужно, чтобы (как говорится) чердак „Дома Книги“ был в порядке.

ИВ. ПРУТКОВ

КАК ПОГИБ ИВАНУШКИН

ЭХ ты, бюрократ!—с горечью думал письмоводитель Петуховен, глядя, как директор садится в автомобиль,—то-о-оже директор!.. Сам партийный товарищ, а сам в автомобилях раз'езжает!"

Петуховен укоризненно плюнул вслед удаляющейся машине, пошел домой и написал:

В редакцию газеты „Трудящийся Пролетарий".

ТОЖЕ „РЕЖИМ"

Наш директор гр. Иванушкин на автомобилях раз'езжает, государственный бензин переводит. Это он громко называет „режимом экономии". Такое бюрократическое отношение будет не режим, а режем экономию. А еще партийный товарищ! Надо ему подвинтить гайку, куда следует.

Не-рабкор

▼

В том губцентре, о котором идет речь, свирепствовал жестокий кризиз, а потому директор, как человек приезжий, принужден был ютиться в двадцати верстах от города.

Прочитав заметку, директор задумался.

„Не-рабкор прав",—решил честный директор,—„в самом деле, какое государству дело до того, что мне негде жить и приходится ездить за двадцать верст? Небось, и бензину государственного на полтинник в день набежит. К чорту автомобиль! Буду на лошади ездить!"

Что бы поспевать на службу, приходилось, правда, вставать в пять утра, но Иванушкин не обращал внимания на это маленькое неудобство.

▼

— АГА! — воскликнул Петуховен злобно — Наш директор в экипаже казенном раз'езжает! Хор-р-рошо! Так и запишем!

Так и записал:

ЛЮБИТЕЛЬ ЛОШАДЕЙ

Наш директор Иванушкин употребляет государственных лошадей на свои собственные цели. Где же тут экономия? Не пора ли изжить эту отрыжку царского бюрократизма?

Не-рабкор

▼

— АХ, я негодяй! Ах ,я растратчик!—укорял себя Иванушкин, прочитав заметку,—и верно. Какое государству дело до того, как я живу? Рабкор прав. Буду ходить пешком.

Ходил пешком. Вставал в два. И то приходил с опозданием. Один раз так утомился в дороге, что пришел к концу занятий.

— Вот она где рационализация,—с отвращением сказал Петуховен,—как другой кто помельче, то приходи во-время, а как директор, то опаздывает!..

Сел и написал:

КОМУ ВЕРШКИ, А КОМУ КОРЕШКИ

Наш директор Иванушкин говорит, что должны во время приходить на службу, а сам опаздывает. Где же тут рационализация?

Не-рабкор

▼

— А! Попался?!—ехидно спросил себя Иванушкин.—Не опаздывай в другой раз на службу! Не опаздывай! Не опаздывай!

Старался не опаздывать!

▼

ЧЕРЕЗ неделю Иванушкин скончался от переутомления.

В день похорон—в газете „Тудящийся Пролетарий" появилась заметка:

УШЕЛ ОТ НАС

Нет больше Порфирия Игнатьевича Иванушкина! Он ушел от нас в расцвете сил и красоты. Но мы твердо будем вести ту линию, которую высоко держал незабвенный П. И.

Мир праху твоему, дорогой П. И.! Да будет тебе земля пухом!

Геннадий Петуховен

ЕВГ. ПЕТРОВ

ГОЛОС ПЕРВОПЕЧАТНИКА

На складах гос.-издательства затоварено на сотни тысяч рублей книг.

Рис. М. Черемных

ПЕРВОПЕЧАТНИК ФЕДОРОВ: — До какой же степени развилось после меня книгопечатание, если одни убытки составляют миллионы рублей!..

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В ТАКСОМОТОРЕ

КАК часто открытия исключительной важности вызывались ничтожными и случайными причинами.

Кто из школьников не знает о том, что падающее яблоко обусловило открытый Ньютоном закон земного тяготения; изобретением паровой машины мы обязаны приподнятой паром крышке самого обыкновенного, возможно даже не эмалированного чайника.

Так и со мной. Сотни раз проходил я мимо витрины 175-го гастрономического магазина „Коммунар“, сотни раз скучающим взглядом окидывал давно примелькавшуюся выставку и не думал, что в ней таится залог моего необычайного ныне успеха и славы.

А, между тем, именно ей, обыкновенной витрине 175-го магазина „Коммунар“, я обязан всем своим неожиданным благополучием.

Но об этом после... Начну по порядку...

▼

Я БОЛЬШЕ года ходил по редакциям, меланхолически выслушивая стереотипные: „Не подошло“, „Не прочитано“ и т. д.

Я давно уже распродал последнее барахло, я обедал раз в неделю и то, когда бывал в гостях у родственников.

Я был изнурен до-нельзя, жизнь мне казалась мрачнее и неудобоваримее газетной передовицы, я готов был уже отказаться от дальнейших литературных попыток. И вдруг!..

Я стоял у витрины, и взгляд мой внезапно остановился на сложенных пирамидкой берестяных коробах со свежей клубникой.

— Клубника,—подумал я вслух,—клубника... Клубничка... Клубничка,—закричал я, как ужаленный,—была бы только клубничка, а издатели сами найдутся.

▼

Я ДОЛГО рыскал по городу, разыскивая у букинистов нужных мне классиков: Нагродскую, Арцыбашева, Ан. Каменского, Вербицкую и других.

Я ночами штудировал их, я наизусть выучил также и Захер-Мазоха и Крафт-Эбинга и ряд других необходимейших книг.

Затем—заперся на три месяца в своей комнатушке и написал первый роман.

Я был достойным учеником своих блестящих учителей. Я твердо запомнил совет хитроумного Чехова, когда-то сказавшего: „Если в первом действии у тебя в пьесе на стене висит ружье, то в одном из следующих действий оно должно выстрелить“.

Я только использовал этот чудесный совет по-своему и по-новому применил его. Так, если в какой-нибудь главе моего романа появлялась женщина, то уже в следующей—она кому-нибудь отдавалась. Основная же героиня отдавалась в каждой из глав. Но не подумайте, что я ограничился простым перепевом моих великих учителей. Отнюдь! Я прекрасно знал, что в наше время, в наш век обостренной классовой борьбы, простая, так сказать, довоенного уровня, безидейная порнография никому не нужна.

Я помнил о „социальном заказе“, об „общественном подходе“, о Главлите, о критиках и редакторах.

И поэтому я написал не просто роман, а общественный, анти-религиозный роман под названием „Мумии“ из жизни египетского контрреволюционного духовенства.

▼

ИЗДАТЕЛЬСТВО „Вдруг“ охотно приняло мою об'емистую рукопись.

Через месяц вышла первая часть. Ее распродали и повторили еще до выхода второй. Это был явный успех. Обо мне заговорили. Критик из журнала „На литературной масленице“ жестоко разругал меня. Враждовавший с ним критик Уклонский на зло ему расхвалил мои „Мумии“. Началась перебранка. В местной „Вечерке“ появилась моя фотография. Старая шлюха-слава поспешно заковыляла ко мне.

МОЕ положение упрочивалось. Я женился на девушке из хорошего дома. Приданое в виде комфортабельно обставленной квартиры создало мне необходимый уют. И женитьба сразу изменила характер моего творчества.

— Видите ли, мой друг,— категорически потребовала теща,—конечно, ни я, ни Мэри, не хотим вмешиваться в ваши литературные дела. Но согласитесь сами, что эта.. как ее... антирелигиозная пропаганда.. совсем не дело... Что скажут о нас знакомые и родные...

Пришлось подчиниться и перейти к „светским темам“. И первая же моя повесть под несколько длинным названием „Луна с черемухой или сознательная любовь“ не только не заставила меня пожалеть об этом, но, наоборот, создала мне совершенно потрясающий успех.

Сюжет повести был не сложен, но зато насквозь проникнут классовым самосознанием автора. Вот она. Героиня не верит в строительство социализма и каждую ночь меняет мужчин. Но классовый инстинкт все-таки побеждает; она начинает верить в социализм и перестает жить половой и распущенной жизнью.

Повторяю, сюжет был не сложен. Но зато какие роскошные афинские ночи устроил я в нескольких главах повествования. А прозрачный и соблазнительный газ, которым я окутал мерцающее тело героини? А все прочее? А современность в каждой строчке, в каждом слове, во всем, вплоть до пудры и кружевных панталон.

ДАМСКИЕ панталоны! Половиной моей славы я обязан им, этой детали туалета.

Никто, как я, не описывал их в своих повестях и романах, никто, как я, не подводил даже под них серьезную, марксистскую базу.

Это я, именно я, показал, что и панталоны могут быть с идеологией.

ПОВЕСТЬ разругали и в „На литературной масленице“, и критик Уклонский, и ряд других.

Зато расхвалила враждующая со всеми „Мирная новь“.

Я шел в гору. Издатели покупали у меня на корню любую вещь. Деньги мне присылались на дом.

Я выпускал книгу за книгой.

Я написал: „Любовь трудовых муравьев“, ее разругали—она разошлась в две недели.

Сборник моих рассказов под блестящим названием „Половой вопрос“ был разруган всеми, вплоть до „Мирной Нови“, и разошелся в два дня.

Спрос на меня растет. Я—модный писатель. У меня—громкое имя, деньги, спокойная, сытая жизнь.

Я почти счастлив. Почти, потому что маленький и жадный червяк честолюбия и зависти все время копошится у меня в груди.

— И почему,—порой огорченно думаю я,—до сих пор не ввели еще звания „заслуженного порнографа“?..

И. СВЭН

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рис. Б. Антоновского

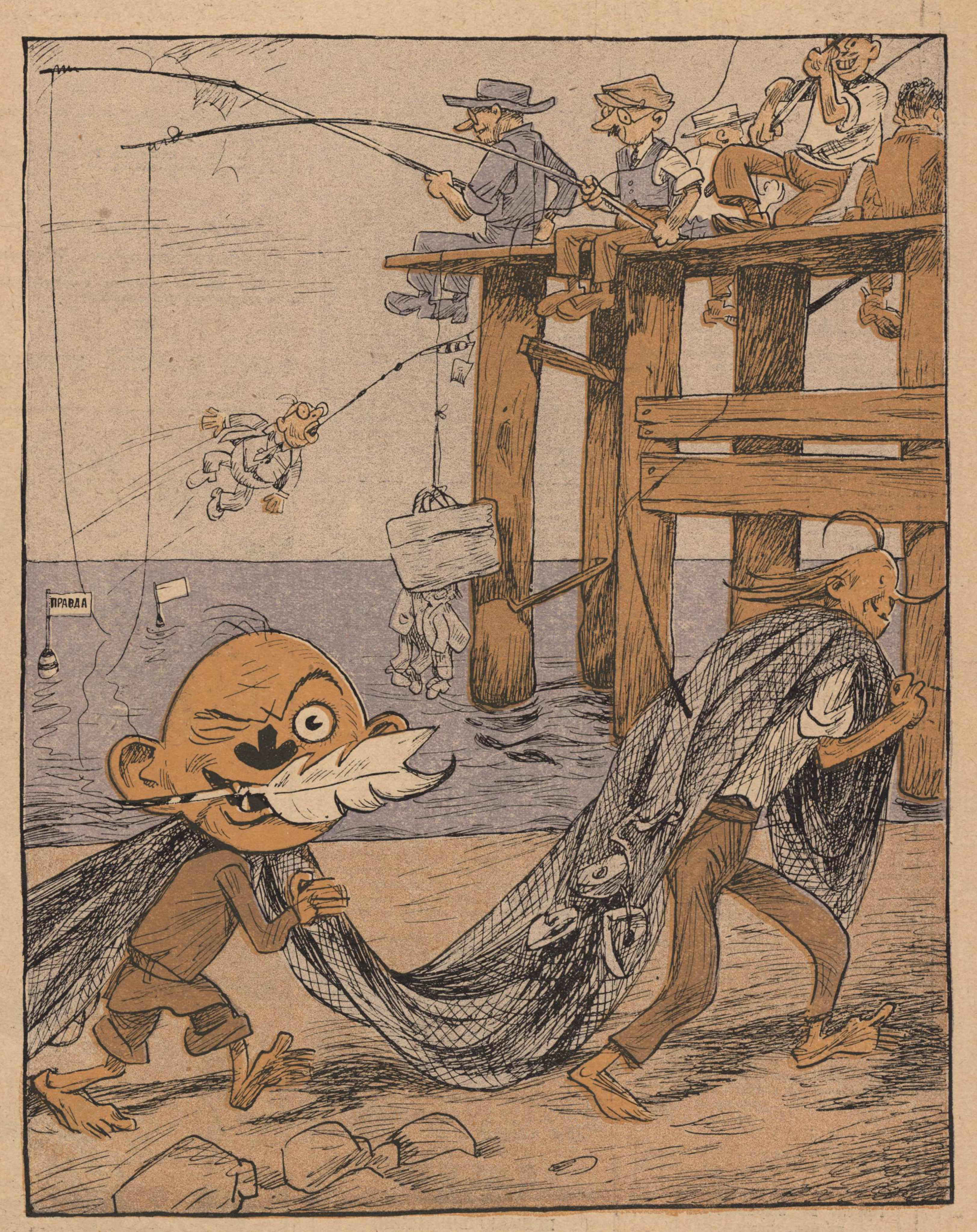

— Я категорически утверждаю, что советская печать односторонняя. Вот—доказательство!

УДОЧКИ И СЕТИ

В редакцию „Правды", „Известий" и др. газет со всех концов СССР ежедневно присылают корреспонденции о растратчиках, взяточниках и т. д.

Рис. Б. Антоновского

СМЕХАЧ:—Что же это вы, товарищи журналисты, всякую нечисть у д о ч к а м и вылавливаете, когда тут—ха-арошие с е т и нужны!

И ТУТ СТРЕЛОЧНИК!

Рис. М. Черемных

— Смотрите: тираж „Гудка“ свыше четырехсот тысяч!!
— Стрелочник виноват! Ведь это он подписывается!..

КАТАТЕЛЬНО ОЧЕПАТОК

ПОМНЮ, зашел как-то ко мне провизор по кафедре Стропильной мишанины—Иван Сифоныч ИѴолов.

— Вот,—говорит,—нет худа без бобра, потерял я американский ключ. Дайте, голубчик, ваш, а то никак не войду в квакварприру.

— Пожалуйста,—отмечаю,—извольте жлюч. Не потеряйте тоньку.

— Будите покойника! Кстати, нет ли у вас чорта-нибудь юморидрического, я бы четверть чайника почитал.

— Извольте!

Он взял продраную мною книгу, немнокошечко удавился, но раскрав ее, сразу же подружился в чтение.

Не прошло и минуши, кек он принялся хлопотать, как сумасшедший.

— Что вы нашли спешного? поинтерререлся я

— Как же не смеяться, — клаондргграбреон 5 § 97 §§§§§§§§§.

— Как жене смеяться,—воскликнул он,—раз в этой книге такие смешные опечатки!

— Что вы говорите!—изу мился я,—в юмористических книгах опереток не бывает.

— Кака якчо ртую мористическая 5,—делясь от спеха, воскирикукукунул он,—вы же дали мне техническую!

В этом есть что-раковое: я живу 63 дога и за всю жизнь не видел ни одной технической книги, в которой не было было бы миллиона опечаток.

— Голубчик, искупался я,—как жена этими книгами пользуются, как расшифровывают эту галиматьтвою?

— Насобачились...

И я подумал!

— А, ведь, теперь я, пожалуй знаю, почему у нас иногда трещат стены, прогибаются потолки и лопаются стяжки! Ведь, это квачит, что бедняги проектировщики поверили книге, поверили фирме и не исправили опекесеногопесонтаовсопоабвгдежзиклмнопрстуфхцчшщэюя 1234567 890.,:;!?§№.

Ефгрский Дольаф

Примечание огорченного автора. Какой, в самом деле, ужас! Иной раз ищешь в журнале опечатку, ищешь ее прямо днем с огнем и насилу ее откопаешь, а вот стоило только горемычному автору заговорить о позорном наводнении опечаток в технической литературе и, не угодно ли, во что обратился его фельетон! Не тронь, дескать, наших? Заговорило, вероятно, чувство профессиональной солидарности у корректоров «Смехача». Ни черта не поймешь!

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ

В КЛУБЕ

— Почему вместо плаката „Просят непечатными словами не выражаться“ вы повесили плакат—

Просят не выражаться по-печатному.

— Дело в том, что все непечатные слова вошли в литературу, — приходится приспособляться!

ШУТКИ ТАССА

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭСКАДРА ПРИБЫЛА В БУХАРЕСТ

Вена, 25. В Бухарест прибыла французская эскадра. Визит эскадры имеет целью демонстрировать наличие дружественных отношений между Румынией и Францией.

УТРО в Бухаресте протекало обычным порядком. В казармах сигуранцы и усталые от ночной работы молодые лейтенанты фабрили усы и подкрашивали губы.

Министры предавались любимым утренним занятиям. Кто канифолил смычок, кто чинил отмычку. Король сочинял благодарственное письмо Муссолини за признания Бессарабского пакта.

На площади, перед самым дворцом, стальной щетиною сверкая, стояла французская эскадра.

Тяжело дышали утомленные сухопутьем дредноуты, пот струился по щекам броненосцев, громко сморкались крейсера и весело хохотали юркие миноноски, вспоминая дорожные приключения...

— Вва-ва-ва...— захватило дух у короля...— ка-ка-ки-ки-ми-ми судьбами...

— А вот, как видите... Пожелали нанести визит дружественной державе...

— По сухопутью?

— Как видите... Через поля, луга и горы—в полном составе... Честь имеем.

Король обалдел...

Неслыханное торжество...

Завыло радио... Разнесло по всему миру сенсационное известие:

— В Бухарест прибыла французская эскадра. Ошвартовалась на площади перед самым дворцом. Энтузиазм населения не поддается описанию... В тюрьмах приступили к избиениям...

Все это совершенная правда, за исключением одного.

Эскадра прибыла не в Бухарест — потому что, скажем, в Тамбов никак нельзя пробраться никакой эскадре... А Бухарест—тот же Тамбов в смысле географического положения. Эскадра, повидимому, прибыла в Констанцу, а оттуда адмиралы отправились сухопутным порядком в Бухарест.

Остальное—как написано.

Но телеграмму принимал „Тасс“... И потому, комментарии, как говорится, не лишни.

ЕХИДА

ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СКАЗОК

(Отрывок)

НЯНЯ:—Шея у него Либединская, поступь Луначарская, роду он Безыменского, сам-то—парень Аверб-аховый, в Ваппе сидит, Лаппом помыкает, к жаров-птице подбирается.. Я там был, дискуссию водил, по губам текло, в ухо попало...

ПАМЯТНАЯ СТЕНА

— Смотри, смотри, наш папа на стенку лезет!

— Что это с ним?

— А это он по привычке. Там в прошлом году стенная газета висела.

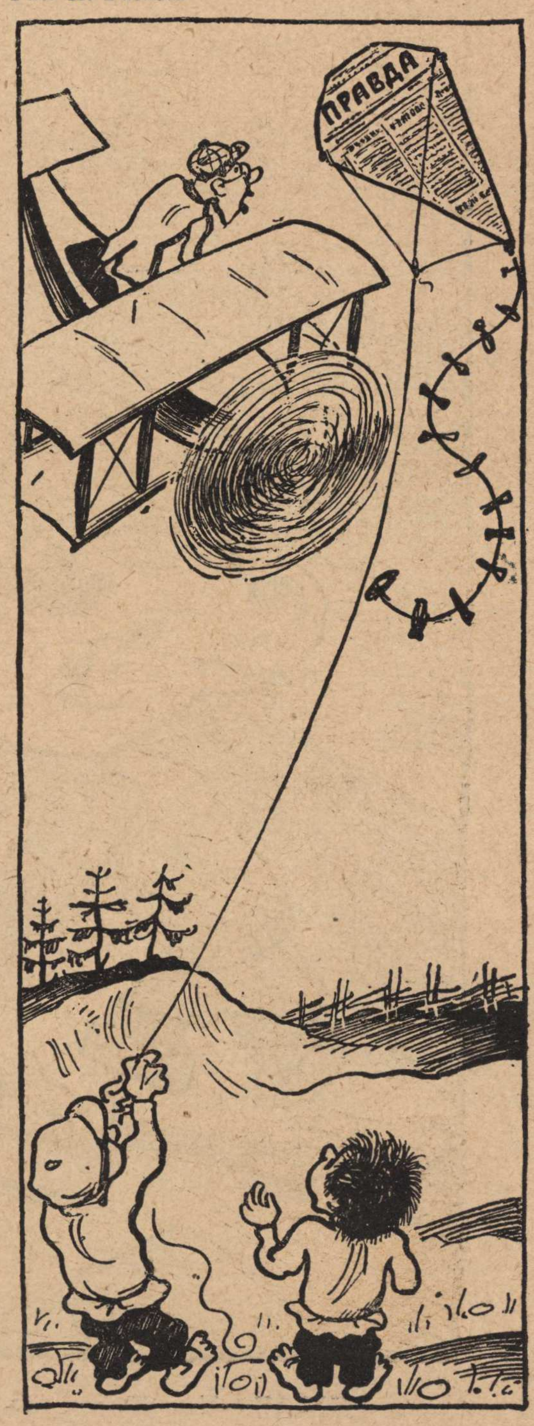
ОТВЕТ ГРАФОМАНУ

— Может быть, моя рукопись нуждается в другой редакции?

— Возможно, но редакция в вашей рукописи совершенно не нуждается.

ЧУДЕСА ГАЗЕТНОЙ ТЕХНИКИ

Рис. Н. Радлова

Картинка ближайшего будущего...

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Журналист-факир

На юге острят:
— Что вы кушаете, что вы такой умный?
И еще:
— Что вы не кушаете, что ли,—что вы такой идиот?
Так вот:

В венской газете „Нейе Фрейе Прессе“ появилась весьма занимательная корреспонденция.

Странный проповедник, — пишет автор корреспонденции,—подвизается в Белграде. Это—Алексей Суворин, бывший русский журналист, а ныне политический эмигрант. Он утверждает, что каждый человек может добиться того, чтобы обходиться без пищи до 40 дней. Сам он, — Суворин, — лучшее доказательство этою. Сначала он голодал только один день, затем неделю, потом месяц; теперь же он намерен голодать, по крайней мере, 3 раза в год, каждый раз по 40 дней.

Сначала он голодал—день... Затем—неделю... потом—месяц... Теперь намерен голодать 3 раза в год по 40 дней... Потом... (привычка свыше нам дана!) с божьей помощью,—будет голодать 12 раз в году по одному месяцу...

А потом... Да чорт с ним!.. Какое в конце-концов „Смехачу“ дело до эмигрантского журналиста Суворина... Пусть не кушает!..

Китайские стихи

Революция в Китае всколыхнула интерес к китайскому языку... Сергей Малашкин, тот самый,—у которого луна с правой стороны, а затмение с левой,—научился даже писать стихи по-китайски...

Чан-Кай-ши . . . .
. . . . . . выждал в злой тиши
Готовя гильотину(!)
Как тигр(?) колебля камыши
Вседил рабочим в спину
Рукой преступной лезвие кинжала...

Оказывается, кинжал—по-китайски „гильотина“... Спасибо!.. Но все остальное и по-китайски, вероятно, довольно безграмотно!.. Даже, если читать не с правой, а с левой стороны...

Муха и мозги

Вопрос и ответ из „почтового ящика“ „Рабочей Москвы“:

166, Есть ли у мухи мозги? (Вопрос Светланы Гевондян).—Нашего человеческого мозга у мухи, как и у всех других насекомых, нет.

Оно и видно... По вышеприведенному ответу этой самой мухи.

ЯЗЫК МОЙ—ВРАГ МОЙ!

(Печальная история в 2-х сокращениях)

Рабкор нагнулся, чуть дыша:
— Ну, как статейка?—Всем досталось?
— Заметка, в общем, хороша,
Да только длинновата малость!..

Про краткость дельный инструктаж
Рабкор прослушал без укора,
И секретарский карандаш
Нещадно „сократил“ рабкора!

▼

Десяток строчек прочитав,
Начальник стал красней малины
И грозно зарычал, привстав:
— Ну и язык... отменно длинный.

Ишь, расписалась мелкота!
Нет на нее чумы и мора!
Момент... и жирная черта—
Начальник сократил рабкора!

КОНДРАТ

ВЫТЯЖКА ИЗ КАЛИННИКОВА

Рис. Б. Малаховского

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН:—Скажите, отец Иосиф, почему вы так много своего писательского внимания уделяете проблеме пола?

ПИСАТЕЛЬ ИОСИФ КАЛИННИКОВ:—Я хочу возбудить... общественное мнение.

ТО-ДРУГОЕ, ПЯТОЕ-ДЕСЯТОЕ...

НЕ ПОНЯЛ

— Тебе по какой статье дали два года?
— По статье-то бы не обидно, а то, ведь, по маленькой заметке.

РАЗГОВОР С ДРАМАТУРГОМ

— Скажите, Патлецов, сколько актов в вашей последней драме?
— Три обыкновенных и один физиологический.

НЕУДАЧНЫЙ ДИАГНОЗ

Рис. А. Р.

ВРАЧ:—У вас глаза больны от напряжения. Не читайте по вечерам.

ПАЦИЕНТ:— Это можно. Потому как мы—неграмотные...

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

— В каком положении здоровье Куприна?
— Плохо. Язык попрежнему совершенно белый.

Б. ПИЛЬНЯКУ

Он к славе двери отворил,
Большим талантом притворился,
Пять лет без устали творил,
Пока... совсем не растворился.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Батум.—Курносому.

Он пишет:

В клубе народу много... И не удивительно. Поставили доклад „Как избавиться от алиментов“. А у кого их теперь нет... Всякий хочет избавиться...

И не столько от алиментов, сколько от ваших рассказов. А у кого их теперь нет? Сами пишете — „Посылал я свои рассказы во многие провинциальные газеты“.

Бахмач.—Аминю.

Он пишет:

Если б не было воды,
Не было б и бочек...
Я пишу все без разбора
И не ставлю точек!..

Здесь точки и не требуется... Мы изобразим на вашей рукописи большой вопросительный знак... А точку вам ставим, как видите,—в почтовом ящике.

Издатель—„ГУДОК“. Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

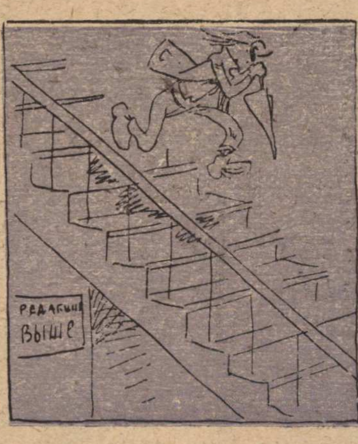
Главлит 87114. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Зак. 1479. Тираж 110.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ КАРПЫЧ НАДЬКИН — РЕПОРТЕР

Рис. Б. Антоновского *Текст Ив. Пруткова*

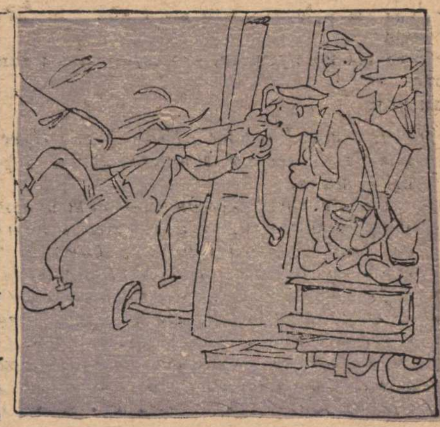
1. — „Чтоб завтра был мне матерьял!“— Редактор строго предписал.

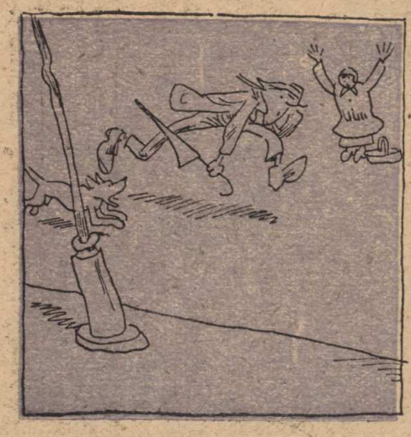
2. — „Бегу!!“ И Надькин - репортер Слетает вниз, как метеор.

3. Заданьем экстренным влеком, Он—к стрелочнице прямиком. Но та:—„Кондуктора спроси.“

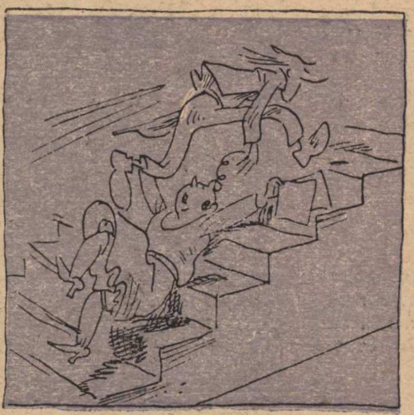
4. „Узнайте в парке“. —„Гран мерси!“

5. В трампарк! А денег ни гроша!.. Пешком... Бегом... Едва дыша...

6. И вот трампарк. И вот ответ: — „Ступайте к заву в кабинет“.

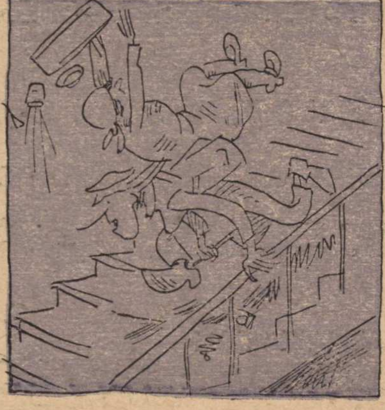
7. Он—вверх, стремглав...

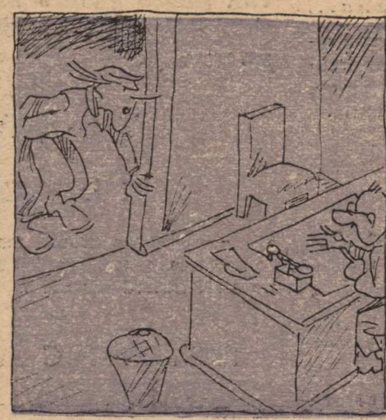
Но где же зав? — „Пошел к помзаву, дело взяв“.

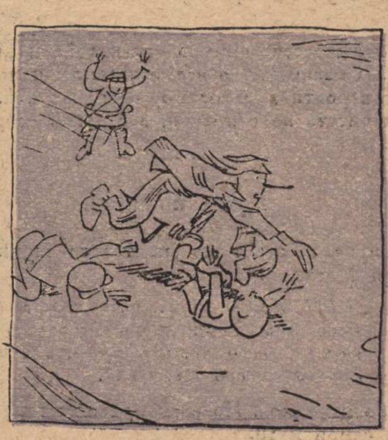
9. — „Где зав?!“ — кричит, дыша едва. — „Спросите ниже. № 2“.

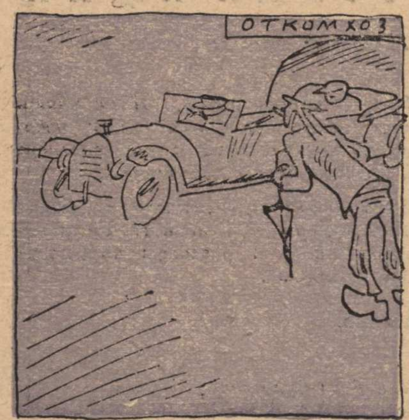
10. Для репортера нет преград: С пути смести пол-света рад!

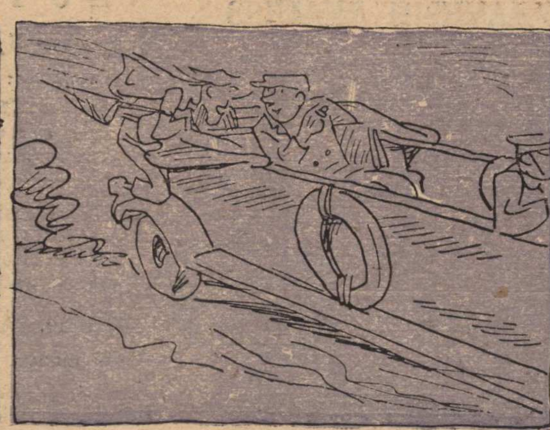
11. — „Где зав?“ — опять ребром вопрос. — „По делу отбыл в Коммунхоз“.

12. Скорей, вдогонку! Прытче рысь!! Кто под ногами? Р-разойдись!!!

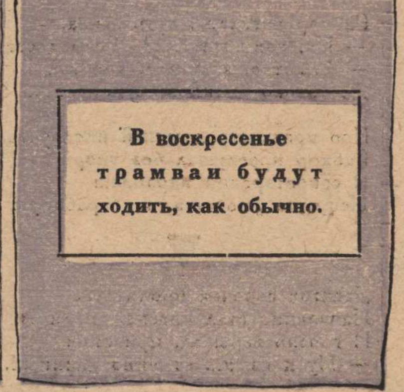
13. Вздымает пыль автомобиль... В один прыжок, как Гарри Пиль,

14. Повис Евлампий на краю. — „Прошу, товарищ, интервью!“

15. Блаженный миг! В душе — свирель: Настиг поставленную цель!

16. И вот в газете—плод трудов: — Заметка в семь роскошных слов!